

Личность и мысль Рене Декарта

1

Если бы в наши дни здравомыслящий человек задался Пилатовым вопросом об истине, ему в силу сложившихся взглядов неминуемо пришлось бы ограничить свой поиск, в надежде отыскать ответ прежде всего у науки, затем у опыта и в последнюю очередь у веры. Для ученого истина заведомо не является универсальной и, взятая сама по себе, не существует вне отдельной проблемы, на верное решение которой он и сошлется. Человек, далекий от теорий, но опытный в решении практических вопросов жизни, очевидно, укажет на факт — конечное основание всякого опыта. Религия возгласит свой символ: верую, так как абсурдно.

Обратиться за помощью к науке мешает, однако, не только то, что истина не может быть узурпирована одной из областей знания, будь то медицина или физика, тео- или филология. Истина вообще определенным образом противоположна знанию, как противоположна статуя камню, музыка — звуку, поэзия — слову. Истина, если давать определение по аналогии, — это то, чем статуя превосходит камень. Ясно, что каждая научная парадигма ответит на этот вопрос по-своему, и для науки истина неизбежно останется загадочной, так как вся ее жизнь есть борьба парадигм, то есть школ. Вне школы, именно в самом

широком смысле, наука не существует, так что нет нужды переиначивать Сенеку, изрекшего с долей иронии: «Мы учимся не для жизни, а для школы». В обратном порядке эти слова стоят на знамени практического человека, и за это часть недалководидных ученых презирает его. Между тем практик пошел дальше ученого. Действительно, чего вы достигнете, выдвинув вместо одной научной гипотезы другую? Вы опровергнете ваших предшественников, но внутри школы (скажем, Евклидова геометрия, но не иначе и Птолемея астрономия — с нее тоже можно начинать преподавание в пятом классе) принципы их останутся незыблемыми. Результат: вы стали очередным магистром коллегии полигисторов. Придет время, и вы займете место в ее архивах.

В фактах жизни, признаваемых трезвым практическим рассудком, истина детерминируется гораздо более жестко. Не согласившийся с правдой факта немедленно будет наказан самой жизнью. Отличие жизненной истины от школьной познается непосредственно в опыте, который чужд консерватизму. Сумма этого частного опыта эквивалентна количеству «безвыходных» ситуаций, из которых вам удалось найти выход. Но настало ли время гордиться собой? Уверены ли вы заранее, что не ошибетесь в очередном затруднении? Является ли знание жизни абсолютной гарантией неуязвимости? Сам опыт отвечает отрицательно. Скажем больше: именно доверие к себе губительно для того, кто ищет истину в факте. Ведь факт, будучи, казалось бы, неоспоримым, на деле является самой сомнительной вещью. Если, познавая истину научную, мы целиком полагаемся на мнение других, то для восприятия факта нам даны лишь наши собственные ощущения. Стоит оглянуться вокруг, и мы пойдем,

насколько данные этих непосредственных ощущений оказываются ошибочными, насколько часто мы вынуждены корректировать их сведениями, полученными извне, не от нас. Не нужно быть Гераклитом, чтобы видеть, что чувственно воспринимаемый факт неуловим. С другой стороны, любое нарушение внутреннего равновесия делает нас не вполне способными к восприятию факта. Мало того, возникает ли вообще когда-либо твердая уверенность в том, что само это равновесие, сама способность адекватно воспринимать факт с ощутимой реальностью присутствует в нас? Спрашивая себя, обманывается ли он сейчас, когда видит то, что видит, человек не может без оговорок честно ответить «нет». Мы возвращаемся, таким образом, к предыдущей ситуации.

Тому, кто ищет истину, остается одно, последнее прибежище — глубокая искренняя вера (зачастую объект насмешек практического человека), для которой не нужно вкладывать персты в рану. Напротив, она как раз тем и отличается от всякого знания, что до определенной степени враждебна наглядному факту. Сказав, что истина есть Бог, мы должны отдавать себе отчет в метафоричности или, точнее, символичности этих слов. Дело не в признании или отрицании сверхъестественного бытия. Взгляд на истину религии коренится в принципиальной невозможности для нашего разума ее постичь. Божественное не только совершенно немислимо, но и не должно быть мыслимо для человека. Вера, в сущности, есть крайний скептицизм по отношению к истине, и в этом она, безусловно, идет дальше науки и опыта. Есть и другое, как станет видно из дальнейшего, весьма важное преимущество веры. Для религиозного человека познание тем более успешно, чем больше оно

опирается на внутреннее и, так сказать, однонаправленное чувство — любовь к Богу. Данный антропологический принцип не приводит нас к истине, но приближает к возможному способу ее постижения, состоящему в отбрасывании того, что к ней непричастно. Абсолютизированный взгляд религии на истину можно сформулировать следующим образом: всякий раз, когда человек не думает о Боге, он ошибается; когда же думает о Нем — находится на пути к истине, но никогда не достигает ее. Согласно этому принципу, чем более алогичны и нереальны события, описанные в Священном Писании, тем более они истинны. Если наука и опыт уверяют нас в своем знании и боятся, как бы не оказаться спящими или грезящими наяву, то, вопрошая об истине оракула, мы вынуждены удовольствоваться признанием своего ничтожества и должны, наоборот, стремиться поскорее и поглубже заснуть. Стоит ли соглашаться с этим? Да, если мы готовы допустить, что Бог, создавший, кстати, нас подобными Себе, бессовестно обманул и продолжает обманывать Свои создания, самые мудрые и справедливые из которых, даже будучи правыми, ошибаются, как ошибаемся и все мы, утверждающие, что $2 + 2 = 4$. С таким допущением относительно Бога категорически не согласится любой верующий человек.

Итак, проблема пока не решена. Мы вернемся к ней позднее и уже на других основаниях. Теперь же время взглянуть на философа, чьи рассуждения мы пытаемся проследить, — человека, для которого вопрос «Что есть истина?» был темой и задачей жизни, того, чью книгу читатель держит в руках. Разговор о Декарте должен начаться с представлений об истине, причем не следует думать об их критике как о философской рефлексии, ибо интеллектуальное подвиж-

ничество Рене Декарта больше, чем философия, и его учение обращено не к профессиональным мыслителям, а ко всем мыслящим людям. Его вообще трудно назвать философом и даже ученым в современном, по крайней мере, смысле слова. Его роль не определяется одной историей философии. Декарт стал реформатором не только науки в целом, но и отдельных важнейших ее отраслей (его созданием являются математическая система обозначений, аналитическая геометрия, закон отражения и преломления лучей, закон инерции, механистическая теория человеческого организма). Вернее было бы поэтому говорить о нем как о последнем гуманисте и первом просветителе. Впрочем, и эта характеристика *ad hoc*, заключающая мысль Декарта во временные рамки, напоминающая о неаккуратных апологетах, вряд ли достаточно. Не только наука, включая философию, — само *знание* в долгу перед ним.

Избранность, очевидно, не может измеряться степенями. Но только когда в силу превратностей Воли в центре стремлений гения оказывается то, над чем невольно задумывается каждый, когда избранник равно идеями и жизнью оправдывает достигнутую им высшую цель, человечество видит в нем Учителя. История цивилизации должна ставить Декарта в один ряд с Сократом. Подобно ему Декарт не отягощен привязанностью к окружающей жизни, заботящей современников, но и нисколько не обременен ее нуждами, не чужд любви к ней. Как и Сократ, он склонен к мистике. Его мысль так же доступна. «Нечто поразительное в сочинениях господина Декарта, — писал его современник Луи де ла Форш, — представляет собой простота его гипотез... Он послан был Богом, чтобы учить нас философии».

Любовь к мудрости проявилась в Декарте рано. В семье его называли «маленьким философом». Рене Декарт дю Перрон появился на свет в марте 1596 года в местечке Ла Эй в Южной Турени. Несмотря на слабое здоровье, в семь лет он уже оказывается способным к серьезному обучению. Отец, знатный и состоятельный землевладелец, член парламента, решает отдать талантливого мальчика в только что открытое новообращенным королем — Генрихом Наваррским — учебное заведение — иезуитский коллеж Ла Флеш в Анжу. Это была лучшая школа Франции, а возможно, и всей Европы. Система преподавания строилась на глубоком и строгом изучении древних языков: латинского и греческого. Старшим ученикам запрещалось даже в перерывах между занятиями говорить друг с другом иначе чем по-латыни. Кроме древних языков, рано вводилось основательное преподавание математики, а затем логики и риторики. Курс метафизики читался на шестом и седьмом году обучения. Декарт был одним из лучших учеников. Его способности ценились так высоко, что ему позволялось даже нарушение сурового режима закрытого учебного заведения. (Ему, например, разрешали вставать по утрам позднее, чем другим воспитанникам.)

В августе 1612 года Декарт покидает школу Ла Флеш. Семья предлагает выбрать военную службу. Декарт проводит несколько месяцев в Ренне, упражняясь в фехтовании, причем достигает в этом искусстве высокого мастерства. В начале следующего, 1613 года он отправляется в Париж и появляется в свете, знакомясь как с выдающимися философами и математиками (Мидорж), так и с фаворитами Марии Медичи. Декарт

ведет рассеянную жизнь, но в то же время его глубоко увлекает музыка. Он проводит много времени в Сен-Жерменском предместье, изучая строй музыкальной гармонии. Ни одно из увлечений Декарта, как позже выяснилось, не было праздным. После смерти философа в его бумагах обнаружился замечательный в своем роде трактат «Compendium musicae», а также небольшое, но выполненное со всем практическим знанием дела исследование, посвященное фехтовальному искусству. Живя в Париже, будущий философ сочиняет довольно много стихов.

В 1617 году Декарт поступает волонтером в армию Морица Нассауского и уезжает в Голландию. Франция покровительствовала Нидерландам в войне с Испанией, но помимо этого есть все основания предполагать, что Декарту эта война казалась справедливой. Свежи были воспоминания о бездарном правлении принцессы Пармской и о страшных бесчинствах герцога Альбы. Утрехтская уния была, пожалуй, единственным в Европе политическим союзом, который стоило защищать с оружием в руках. Впрочем, когда Декарт оказался в войске сына Вильгельма Оранского, военные действия не велись. Перемирие с испанцами, заключенное Яном фон Ольденбарнефельдом, должно было закончиться лишь через три с половиной года. В Бреде, где находится войско Морица, Декарт знакомится с математиком Бекманом и проводит много времени в занятиях алгеброй. Он пользуется дружбой полководца. Мориц также оказался любителем точных наук, что неудивительно в хорошем страте. Жизнь в таком военном лагере была вполне по вкусу Декарту, но дальнейшие события, думается, разочаровали его. Принц Оранский был лишен политического честолюбия и не хотел вмешиваться в пар-

тийные распри. Народ же, строго кальвинистический и вместе с тем желающий приобрести политические права, призывал любимого вождя к действиям против ремонстрации. Морицу пришлось арестовать вождей республиканской партии. Дордрехтский собор приговорил к смертной казни Ольденбарнефельдта, великого пенсионария Голландии, 72-летнего старика, по совету которого Мориц Нассауский ранее был избран штатгальтером. Гуго Гроций, прославленный гуманист, человек, которого Декарт не мог не уважать, был приговорен к пожизненному заключению. Само по себе искоренение рационалистического учения Арминия, признававшего свободу человека, вряд ли радовало Декарта. Ремонстрацию подозревали как криптокатолицизм, но сам Декарт в силу семейной и школьной традиции был добрым католиком, хотя и пошел воевать за протестантов.

13 мая 1619 года был обезглавлен Ольденбарнефельдт. В июле Декарт отправляется во Франкфурт-на-Майне и становится под знамена Фердинанда II, избранного императором Священной Римской империи в августе (ср. начало второй части «Рассуждения о методе»). 23 мая произошел бунт протестантов в Чехии, ставший началом Тридцатилетней войны. Общественное мнение, возмущенное пражской «дефенестрацией» (от *лат.* fenestra — «окно»), о которой сообщил один из пострадавших — магистр Филипп Фабриций, получивший дворянское достоинство за свое унижение, — было целиком на стороне императора и католиков. Осенью карательная армия католической лиги под командованием «старого капрала» Тилли начинает знаменитый поход в Богемию. С ноября 1619 по апрель 1620 года еще продолжаются переговоры. Конец осени и зиму Декарт проводит с армией,

в городке Нейбург, на Дунае. Он ни с кем не общается. Все его мысли заняты математикой и метафизикой. Он пытается что-либо разузнать о таинственных розенкрейцерах (современники считали его одним из членов этого мифического братства) и обещает совершить паломничество в дом Богоматери в Лоретто (по преданию, хижина Девы Марии была перенесена туда ангелами из Назарета в XIII в.), если Она поможет открыть основание истины. Декарт видит мистические сны: гонимый бурей, он спасается в церкви; вокруг него огненные искры, он слышит громоподобный голос; наконец он открывает книгу стихов Авсония и читает слова: «*Quod vitae sectabor iter?*» («По какому пути жизни устремлюсь?») В дневниковой записи, относящейся, видимо, к 10 ноября, говорится об открытии «оснований удивительной науки». Может быть, это относится к рационалистической философии, а может, к аналитической геометрии. Сведения сообщает А. Байе, автор двухтомного жизнеописания Декарта, вышедшего в 1692 году. Дневники Декарта не сохранились.

После Нейбурга Декарт едет в Ульм, затем — в Вену, где находилось французское посольство, после чего возвращается к армии в Богемию. Осенью начинается настоящая война. Часть чешского войска двинулась на Вену. Следует ряд мелких сражений. Чехов оттесняют. Наконец 8 ноября 1620 года происходит знаменитая битва у Белой Горы, в которой чехи были разбиты наголову. Жизнь солдата не прискучила Декарту. В следующем году он поступает в императорскую армию в Моравии, под начальство Букоя, и участвует во взятии Пресбурга и в жестоком сражении у Нейгезеля 10 июня 1621 года, в котором пал Букой. Вскоре после этого Декарт, бывший уже опытным солдатом

и, вне всякого сомнения, имевший возможность сделать карьеру военного, оставляет армию навсегда, чтобы отправиться путешествовать.

Сперва он объехал Центральную Европу, побывав в Силезии, Бранденбурге и Померании, затем в Мекленбурге и Голштинии, затем в Западной и Восточной Фризиях. После этого он отправляется из Эмдена морем в Голландию, где посещает двор принца Оранского, потом — в Брюссель, чтобы увидеть двор инфанты Изабеллы. В марте 1622 года он снова во Франции. Умерла мать Декарта; он получает часть наследства. Первую половину 1623 года он живет в Париже и встречается со старым товарищем по Ла Флеш — теологом Мерсенном. Затем, съездив в Бретань к семье и продав свои поместья в Пуату, отправляется на юг, в Италию. 1624-й был юбилейным годом, который в те времена праздновался Ватиканом каждые 25 лет. Декарт не сразу прибыл в Рим. Прежде он посетил Швейцарию и Тироль, погостил в Инсбруке, посетив двор эрцгерцога Леопольда, оттуда приехал в Венецию и выполнил данный Богоматери обет, сходяв пешком на богомолье в Лоретто. Остаток года он проводит в Риме, после чего путешествует по Пьемонту и Альпам и в середине 1625 года возвращается в Париж, обозрев пределы своей ойкумены. Три следующих года он живет на частных квартирах в Париже и предместьях. Декарт не упустил случая познакомиться с Ришелье через своего друга — фортификационного инженера Дезарга.

В 1628 году Декарт уезжает из Парижа, никому, кроме двух-трех преданных друзей, не сказав о конечном пункте своего нового путешествия. Но теперь он уже не ищет дорожных приключений. Начинается новый период жизни философа. Он решает стать частным лицом, чтобы наслаждаться полной свободой

и обеспеченным покоем, который будет посвящен исследованиям. Париж для такой жизни не подходит. Из всех стран, которые он повидал, Декарт выбирает Голландию. Амстердам, Девентер, Лейден, Франекер, Леуварден, Эгмонд — в этих местах проходит с небольшими перерывами (он ездил во Францию, Данию и Англию) почти 20 лет его жизни. 24 раза он менял свое местопребывание. В каждом городе есть посредник, устраивающий все дела Декарта. Философ ничем не стеснен, никто ему не надоедает. Мы знаем, что помимо философии он занимается физикой, анатомией, астрономией и медициной. Уступая просьбам друзей, с которыми он переписывается (Мерсенн), Декарт наконец готовит к изданию несколько своих сочинений. Первое, и возможно главное, названное им «Мир», так и не увидело свет. Декарт боится столкновений с университетской наукой и, главное, с Церковью, осудившей Галилея. Первыми опубликованы в Лейдене «Философские эссе» (1637), в которые вошло «Рассуждение о методе» и его приложения — «Диоптрика», «Метеоры» и «Геометрия». Латинские переводы частей трактата, исправленные автором, выйдут в свет через несколько лет, когда имя Декарта будет уже звучать по всей Европе. Затем в Париже печатают латинские «Размышления о первой философии» (1641). Через три года в Амстердаме были напечатаны «Начала философии». Наконец, в 1649 году, также в Амстердаме, появился трактат «Страсти души».

Любопытный факт: зимой 1635 года Декарт встречает в Амстердаме простую девушку, берет ее в жены (Элен, дочь Жана; мы ничего не знаем о ее судьбе), и она рождает ему дочь. Декарт дал ребенку свое имя. К несчастью, девочка умерла, не дожив до 12 лет. В Голландии Декарт знакомится с пфальцграфиней

Елизаветой, дочерью Фридриха Пфальского, того самого враждебного Габсбургам предводителя чешских протестантов, который был разбит у Белой Горы. Все оставшиеся годы Декарт питает нежное почтение к потерявшей трон принцессе, и она отвечает ему искренней дружбой. Другая женщина, заинтересовавшая Декарта, — Анна фон Шюрман, утрехтская ученая дама. По-видимому, Декарт отнесся к ней иронически, а она в письме Елизавете назвала философа «этот вульгарный человек», чем, правда, нисколько не умалила его в глазах своего адресата.

Учение Декарта нашло восторженных приверженцев и стало предметом спора. Утрехтский профессор Гисберт Воэций заставляет учеников (Шоок) подписываться под пасквильными сочинениями, скрытой целью которых было обвинить Декарта в ереси. В Лейденском университете проходят диспуты, направление которых крайне опасно для Декарта. Молодой, но влиятельный лейденский теолог Ревийус, бывший вначале страстным поклонником картезианства, получив отповедь Декарта, стал столь же яростным его противником. Декарт вынужден вступить в полемику. Привлекая свои связи, философ в конце концов добился от Шоока признания в том, что он был орудием в руках Воэция. Доводы последнего были публично опровергнуты Декартом. Однако жизнь в Голландии становится для него все труднее. Вместе с тем во Франции растущее духовное влияние картезианства предохраняет философа от нападков. Состоялись две поездки в Париж, главным образом по делам наследства, — в 1644 и 1647 годах. В первый приезд Декарт познакомился с людьми, возражавшими ему в печати, которых он считал своими недругами, — Бурденом и Гассендом. Оказалось, что они не только не враж-

дебны ему, но, напротив, всячески поддерживают его авторитет. Он знакомится со своим переводчиком и будущим издателем Клодом Клерселье и с философом Шаню. В 1646 году он получает королевскую пенсию. Летом 1647 года Декарт снова в Париже, встречается и беседует с Паскалем. Он начинает всерьез думать о том, чтобы перебраться во Францию, и в мае 1648 года опять отправляется в Париж, чтобы подготовить все для окончательного переезда. Но здесь Декарт застаёт Фронду и уезжает обратно в Эгмонд, глубоко огорченный.

Положение было трудным. В Голландии не прекращались досаждавшие Декарту споры. Франция, волнуемая бурными политическими событиями, не могла его принять. В это время шведская королева Кристина, дочь Густава Адольфа, знакомая с философом по его переписке с Шаню, который жил при ее дворе и был очень увлечен ею, присылает Декарту приглашение приехать в Стокгольм. Двадцатидвухлетняя королева была склонна к перемене настроения и полна самых различных планов. Через Шаню она просила Декарта написать, что он думает об истинной любви. Она хотела стать ученицей великого философа и, кроме того, основать в Стокгольме академию наук, устройством которой должен был заняться Декарт. С большой неохотой, после долгих колебаний Декарт принял приглашение. Климат Севера, как и климат Юга, был вреден ему. Он ценил распорядок жизни, к которому привык. (Декарт вставал поздно и любил размышлять по утрам, лежа в постели.) Рене Декарт уехал в Швецию осенью 1648 года. Это было его последнее путешествие.

Конец жизни Декарта трагичен. Кристина не нашла для занятий лучшего времени, чем 5 часов утра. Зима

1650 года была особенно сурова. Шаню сильно простудился. Декарт ухаживал за ним и создавал план Шведской академии наук, обсуждавшийся с королевой 1 февраля. Через десять дней, 11 февраля 1650 года, Рене Декарт умер от скоротечной пневмонии. Он прожил 53 года, из которых 11 провел в школе, 17 — в светских развлечениях, военном лагере и дорожных приключениях; на 10 лет он стал невидимым для света и жил в полном покое; последние 12 лет были отданы просветительству.

3

Перед нами в высшей степени удивительная биография. Жизнь Декарта известна в подробностях: его переписка, заботливо сохраненная респондентами, предугадавшими интерес истории к каждому его слову, составляет в Полном собрании сочинений, изданном Шарлем Адамом и Полем Таннери (Париж, 1897–1913), пять томов in quarto. И несмотря на это, общая картина его личности, обрисованная и утвержденная современной историей философии, способна озадачить, пожалуй, не меньше, чем слепой восторг панегиристов конца XVII столетия.

В эпоху Декарта начинает оформляться образ ученого, проводящего все свои дни в кабинете, в библиотеках, в университетской аудитории. Аскет по роду своих занятий, ученый мало интересуется жизнью, питаясь книгами и живя в мире теней. Перед нами здесь не только крайний пример Спинозы. Важно даже не то, что таковы Галилей, Гассенди, Гарвей, Паскаль и другие замечательные исследователи тех времен. Стереотип создавался *большинством* их современников, избравших научное поприще. Наука, воплощенная

позднее в образе Фауста, вновь и вновь, с окончательной уже настойчивостью, требовала для себя кельи, в которой, правда, теперь все чаще место распятия занимает книжная полка или реторта. Нет сомнения в обоснованности этих требований. Ученый действительно вправе быть затворником. Светская жизнь слишком часто мешает чистой мысли. Лучшее подтверждение этому — мучения Фрэнсиса Бэкона. Как же тогда расценить обстоятельства жизни Рене Декарта, который даже внешне, судя по портрету, не походит на привычный тип мыслителя?

Начиная с первых жизнеописаний, таких как упомянутый труд А. Байе, вплоть до второй половины XIX века, отразившей жизнь и учение Декарта в биографических и философских компендиумах Ж. Мейе и Фр. Буйера, оценка личности философа в целом не идет дальше признания ее исключительности. Так фигура Декарта становится все более мифологичной, и, живи он в другой, более отдаленной от нас культурной эпохе, легенда смешалась бы с правдой и различить характер за пеленой мифа стало бы почти невозможно. Из этой биографической традиции мы узнаем о признании учителями Ла Флеш первенства над ними 12-летнего мальчика, о военных подвигах Декарта в Венгрии, о сражениях с грабителями на Северном море, о руководимом им ордене «невидимых», о том, что книгами ему служили препарированные тела животных, о его близости с особами королевской крови, готовыми принимать как руководство к действию каждое слово философа, о посещавших его мистических видениях и пр. Анекдоты, которые напоминают блуждающие во времени и в культурных ареалах сказочные сюжеты, являются результатом общей тенденции биографов, проекци-

рующих загадку гениальности на личность гения, так что в каждом его деянии им видится нечто из ряда вон выходящее.

Ситуация изменилась после появления книги о Декарте знаменитого гейдельбергского профессора Куно Фишера, автора «Истории новой философии» (1898). Куно Фишер опирается на собственные тексты Декарта, и прежде всего на автобиографические части «Рассуждения о методе». Пересказывая биографию Декарта, он методично трактует каждый поступок философа как этап планомерного анализа окружающих вещей. Жизненный путь философа рассматривается как последовательное осуществление определенной программы, возникшей у него еще в школе. Декарт предстает перед историком философии как самозапрограммированная машина по производству истин. Фишер заключает, что все отдаляющее Декарта от того образа ученого, о котором мы говорили выше, — не более чем химера. Жизнь Рене Декарта есть его мысль, для которой все внешние обстоятельства служат материалом, но никак не содержанием. Биография превращается в описание кабинета. Разница лишь в масштабе: кабинетом Декарту служит весь мир.

Непредвзятого читателя, даже если он знаком с жизнью и трудами философа лишь поверхностно, вряд ли удовлетворит такая характеристика. Картины жизни Декарта не стоит приукрашивать. Они и без того слишком ярки, чтобы видеть в их непосредственном участнике стороннего наблюдателя, целиком погруженного в свои мысли и заботящегося только о том, как бы не оступиться на выбранном раз и навсегда пути. Мы застаем его в почетном карауле учеников Ла Флеш, когда там хоронят сердце Генриха Наваррского; среди придворных Марии Медичи; присут-

ствующим при коронации императора Фердинанда; вступающим в Прагу с победоносным войском Тилли; в Ла-Рошели в свите Ришелье; свидетелем юбилейных торжеств в Ватикане; покидающим Париж среди баррикад Фронды... Ни одно по-настоящему значительное драматическое событие эпохи «трех мушкетеров» не прошло мимо его внимания, во многих он и сам играл какую-то роль (вопреки собственному заявлению, что хочет остаться только зрителем на театре жизни). Безоговорочно поверить в то, что все эти события занимали Декарта лишь как предмет анализа, значило бы видеть в нем двух совершенно разных людей. Никакой теоретический интерес не вдохновит на то, чтобы воевать или вести жизнь придворного. Нельзя вместе с тем отрицать и того, что каждый интерес, каждое увлечение Декарта, как мы уже говорили, имели результатом научный труд (вопреки декларируемой ненависти к ремеслу писателя), будь то фехтование, музыка, осадные машины, психология, алгебра или теософия.

В характере Рене Декарта мы находим особенность, позволяющую сомневаться в абсолютном правдоподобии нарисованного Куно Фишером портрета. Это легкая наклонность и выраженная способность к мистификации. Философ становится человеком-невидимкой, живя в центре Парижа, и затем, ни для кого не достижимый, в Амстердаме. По некоторым свидетельствам, он сам поддерживал слухи о своей причастности к розенкрейцерам. Главные же свидетельства этой черты обнаруживаются в его трудах. В обращении к сорбонским теологам (первое предисловие к «Размышлениям о первой философии»), прося покровительства у авторитетов в вопросах истины, Декарт явно намекает, что об истине он позаботится сам. Для

кого могла остаться незамеченной эта двусмысленность? Для философской работы совсем не обязательно художественность. Декарт же стремится заинтриговать читателя, придавая своим «Размышлениям» и композиционное единство, и драматичность. Во введении мы читаем, что действие этой драмы будет разворачиваться в течение «шести дней». Неужели Декарт придумал свою систему, сидя у окна в эти дни? Кого он хочет ввести в заблуждение? «Рассуждению о методе» предпослан автобиографический экскурс. Опуская детали, стремясь нарисовать общую картину пути человека к истине, Декарт заявляет, что указанный путь был действенным для него, но он совсем не ручается за его продуктивность для других. Неужели это говорится всерьез? Ведь публикуемая вещь не дневник. Дело, наверное, в том, что Декарт, как Платон, считал роль *belle lettre* важной для выполнения просветительской задачи. «Разыскание истины», сырое сочинение, которое можно назвать предварительным введением в картезианство, имеет форму диалога, причем театральность подчеркнута: автор рисует декорации, дает характеристики действующих лиц. В этом видна глубокая закономерность. Исследование стиля и языка Декарта убеждает, в частности, в том, что он отдал много сил популяризации своих идей, стремясь с самого начала предотвратить их дальнейшее упрощение, ведущее к искажению. Откровения биографического характера в «Рассуждении о методе», как нам представляется, также беллетристического свойства. Настоящая цель Декарта состоит не в том, чтобы рассказать о самом себе, но чтобы внушить читателю необходимость, приобретя знания, в каждом заключении исходить из того, что он имеет как неотъемлемое, то есть из здравого смысла. Здравый смысл

воспитывает не схоластическая наука, а живая жизнь. Декарт хочет призвать нас к анализу фактов жизни и выбирает для этого самый верный первоначальный аргумент — собственный пример, приводимый с предельной скромностью, которая всегда располагает к себе вдумчивого человека. Таким образом, мы не можем принять дедукцию, основанную на автобиографических пассажах «Рассуждения о методе», как вполне очевидную.

Беря в руки хитро устроенную вещь, мы испытываем двоякое чувство. Мы хотим узнать, как и из чего она сделана. Но прежде мы просто любуемся ею, так как от зверей нас, кроме рассудка, отличает и эстетическое начало. Рене Декарт был пытливым человеком. Нелепо отрицать его страсть к исследованию жизни как материала для суждений. Опыт для автора «Рассуждения о методе» делала ценным выведенная из него абстракция. Но только ли она? Разве не находил Декарт в опыте чистого, если угодно, праздного удовольствия? Созданный Фишером образ лишает личность философа обаяния, которое ощутит всякий, кто откроет любую его книгу. Мы очарованы Декартом, ибо чувствуем, что в его интересе к жизни сливаются два одинаково ярких начала — эстетическое и рассудочное. Философ сам дает возможность понять свое жизненное настроение. В последней большой работе Декарта, посвященной проблемам этики и названной «Страсти души», первое вожделение, из которого вырастают все прочие, обозначено словом «удивление».

Следует созерцать Вселенную и изумляться ей, понимая собственную малость. Так чистое созерцание, своего рода медитация, иным, нерассудочным путем приводит к «высокому и истинному самоощущению», а оно у Декарта становится основой всякой верной

мысли. Поэтому не побоимся сказать, что изумление перед самим фактом существования истины было тем непреходящим чувством, на почве которого не могло не явиться его гениальное открытие. Это прозрение стало центральным событием духовной жизни Декарта. Теперь мы приближаемся к возможности понять, что же было раньше — разработанный в деталях план или жизнь, прожитая в согласии с ним? Нет никаких действительных оснований заключать, что до момента открытия философ руководствовался в своих поступках чем-либо, помимо того интереса к жизни, двойственную природу которого мы попытались охарактеризовать. А совершив свое открытие, он в новом свете увидит все, что с ним происходило, и решит, что все происшедшее с ним было продумано с самого начала. Рене Декарт решит правильно. Он не мог прожить свою жизнь иначе. Но напрасно убеждать нас в том, что мы можем повторить его программу. План жизни Декарта был создан не им.

4

Итак, картезианское удивление возвращает нас к вопросу «Что есть истина?». Ведь хотя мы, казалось бы, уже имели возможность убедиться в том, что истину нельзя обнаружить, мы все же уверены, что она есть. «Как это возможно?» — удивляемся мы. Решение задачи начинается с внимательного анализа ее условия. До сих пор считалось, что ответом на вопрос об истине является нечто, для чего истина служила определением. Проще говоря, вопрос «Что есть истина?» формулировался ранее как «Что является истинным?». Вспомним, как отвечает на этот вопрос булгаковский Иешуа: «Истина в *том...*» — и т. д. Мы сопоставляли

СОДЕРЖАНИЕ

Личность и мысль Рене Декарта. <i>М. Позднев</i>	5
РАЗЫСКАНИЕ ИСТИНЫ. <i>Перевод Н. Сретенского</i> ...	37
РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ. <i>Перевод М. Позднева</i>	71
Первая часть. (Некоторые соображения относительно наук)	74
Вторая часть. (Основные правила искомого автором метода)	83
Третья часть. (Несколько правил морали, извлеченных из этого метода)	94
Четвертая часть. (Доводы, которыми доказывається существование Бога и человеческой души, или Основания метафизики)	103
Пятая часть. (Порядок исследованных автором физических вопросов; биение сердца и другие проблемы медицины; различие души человека и животных)	113
Шестая часть. (Что, по мнению автора, необходимо, чтобы продвинуться вперед в исследовании природы; причины, побудившие его взяться за перо)	130
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРВОЙ ФИЛОСОФИИ <i>Перевод М. Позднева</i>	147
Размышление первое. О вещах, которые могут быть подвергнуты сомнению	163

Размышление второе. О природе человеческого разума, который мы познаем легче, чем тело	170
Размышление третье. О действительном существовании Бога	181
Размышление четвертое. Об истинном и ложном	202
Размышление пятое. О сущности вещей материальных и еще о действительном существовании Бога	214
Размышление шестое. О бытии вещей материальных и о действительном отделении разума от тела	223

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Томас Гоббс. Возражения на «Размышления» Декарта и ответы последнего. Перевод А. Гутермана</i>	<i>245</i>
<i>Комментарии. М. Поздnev</i>	<i>275</i>